

**В. Г.
АВСЕЕНКО**

Василий Григорьевич Авсеенко

Отрава жизни (Петербургские очерки #25)

«Эта отравка начала проникать въ жизнь Петра Петровича Гладышева еще съ прошлаго года, и именно съ того сквернаго дня, когда домохозяинъ его, купецъ Ка-
лабановъ, встрѣтившись съ нимъ въ подъяздѣ, не по-
тянулъ въ сторону свое отвислое чрево, какъ онъ
обыкновенно это дѣлалъ, а напротивъ, выпятилъ его
впередъ, и не снявъ съ головы котелка, а только мах-
нувъ двумя пальцами кверху, – заступилъ ему дорогу
и произнесъ своимъ хриплымъ, давно „перехвачен-
нымъ“ на какомъ-то буянѣ голосомъ: А у васъ, господ-
инъ Гладышевъ, контрактъ кончается...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

**Василий Григорьевич
Авсеенко
Отрава жизни**

Эта отравка начала проникать въ жизнь Петра Петровича Гладышева еще съ прошлаго года, и именно съ того сквернаго дня, когда домохозяинъ его, купецъ Калабановъ, встрѣтившись съ нимъ въ подѣздѣ, не потянулъ въ сторону свое отвислое чрево, какъ онъ обыкновенно это дѣлалъ, а напротивъ, выпятилъ его впередъ, и не снявъ съ головы котелка, а только махнувъ двумя пальцами кверху, — заступилъ ему дорогу и произнесъ своимъ хриплымъ, давно «перехваченнымъ» на какомъ-то буйнѣ голосомъ: А у васъ, господинъ Гладышевъ, контрактъ кончается...

Петръ Петровичъ при этомъ поморщился: онъ уже издалека предвидѣлъ надбавку на квартиру, а независимый первогильдейскій видъ Калабанова не предвѣщалъ ничего добраго. Не понравилось Петру Петровичу также и то, что Калабановъ назвалъ его «господиномъ Гладышевымъ», тогда какъ прежде всегда величалъ по имени и отчеству.

— Да, такъ что-же? Я хотѣлъ-бы квартиру за собой оставить, — сказалъ онъ. Калабановъ моргнулъ бровями и посмотрѣлъ въ сторону.

— Можно и за вами оставить; только подо-

роже платить придется, – отвѣтилъ онъ.

– А сколько?

– Три бумажки на васъ надбавлено; полторы тысячи платить будете.

– Триста рублей сразу! это разбой! – вырвалось у Гладышева.

– Какъ угодно. Не принуждаемъ, значитъ.

Гладышевъ разозлился, разгорячился, и сказалъ домовладѣльцу что-то не лестное для послѣдняго. Калабановъ только погладилъ рукой бороду.

– Такъ позвольте, стало-быть, билетики налѣпить? – спросилъ онъ.

Къ утру слѣдующаго дня Гладышевъ, однако, одумался. Разсчитавъ, онъ сообразилъ, что переѣздъ на новую квартиру, да пригонка драпировокъ и мебели обойдется, пожалуй, не дешевле трехсотъ рублей; а еще сколько безпокойства и потери времени... Онъ рѣшилъ согласиться на надбавку, но контрактъ, изъ предосторожности, заключилъ только на годъ: можетъ быть цѣны опять понизятся, такъ зачѣмъ же себя связывать.

Но прошелъ годъ, и Петръ Петровичъ съ ужасомъ слышалъ со всѣхъ сторонъ, что

цѣны на квартиры не только не падаютъ, а растутъ непомерно. Неужели и ему сдѣлаютъ новую надбавку? Лишніе триста рублей, всыпанные въ карманъ Калабанова, уже заставили Петра Петровича урѣзать до крайности свой семейный бюджетъ. Другихъ урѣзокъ онъ и придумать не могъ. И онъ съ неприятнымъ стѣсненіемъ сердца ждалъ новаго разговора съ Калабановымъ.

Но вмѣсто домохозяина явился дворникъ и предъявилъ новое росписаніе всѣхъ квартиръ, по повышеннымъ цѣнамъ. Противъ номера, занимаемаго Гладышевымъ, стояла цифра: 2000.

Петръ Петровичъ ужаснулся.

– Да что, твой хозяинъ съ ума сошелъ, что-ли? – накинулся онъ на дворника.

– Намъ это неизвѣстно, – спокойно отвѣтилъ тотъ. – Намъ только сказано, оповѣстить жильцовъ. Кому, значить, не нравится, такъ чтобъ съѣзжали.

– Ну, такъ скажи, что мнѣ не нравится, и я съѣду.

– Мы это очень понимаемъ.

И вотъ, съ этого дня жизнь Петра Петрови-

ча Гладышева была окончательно отравлена. Еще раньше, чѣмъ онъ предпринялъ поиски за квартирой, онъ уже ощутилъ отраженіе ка-лабановской политики на всѣхъ крупныхъ и мелкихъ сторонахъ своего существованія. Извозчики, возившіе его въ департаментъ за 20 коп., стали, словно сговорясь, требовать 30 копѣекъ.

– Почему-же, почему, если раньше я всегда ѣздилъ за двугривенный? – спрашивалъ озадаченный Петръ Петровичъ.

– Помилуйте, сударь, сами знаете, нынче все дороже стало, – отвѣчали ему извозчики.

Хозяйственные счета точно также стали расти съ неумолимой послѣдовательностью. Въмѣсто 3 рублей кухоннаго расхода, счета кухарки поднялись до 3 $\frac{1}{2}$, потомъ до 4 руб.

– Почему? – допытывался Гладышевъ у кухарки.

– Кто ихъ знаетъ, лавочниковъ; говорятъ, нынче все дороже стало, – объяснила та.

Дача въ Павловскѣ, которую Гладышевъ пять лѣтъ кряду нанималъ за 300 рублей, вдругъ оказалась цѣною въ 400. Ломовые извозчики, перевозившіе его пожитки всегда по

четыре рубля съ подводы, потребовали по шести руб. Дворникъ на дачѣ, довольствовавшійся за воду пятью рублями, заломилъ восемь, и едва помирился на семи.

– Почему? почему? – уже съ растеряннымъ видомъ спрашивалъ всѣхъ Гладышевъ.

И отъ всѣхъ получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ:

– Сами знаете, нынче все дорожѣ стало.

Но почему же самъ онъ не сталъ дороже? Почему онъ по прежнему получаетъ три съ половиной тысячи казеннаго жалованья, и полторы тысячи за занятія въ одномъ частномъ учрежденіи? Этому ему никто не могъ объяснить, но общій голосъ твердилъ одно и то же:

– Нынче все дороже стало.

Это былъ какой-то стихійный звукъ, стоявшій въ воздухѣ, и вмѣстѣ съ воздухомъ проникавшій все существо его. До такой степени проникавшій, что Петръ Петровичъ началъ даже какъ будто заговариваться, и на вопросъ жены, вѣтрено-ли сегодня на дворѣ, иногда отвѣчалъ:

– Сама знаешь, нынче все дороже стало.

Надо было, однако, привести въ извѣстность, выразить въ цифрахъ все то, что означала эта жестокая фраза, этотъ стихійный звукъ, эта отрывка калабановскаго пищеваренія. Петръ Петровичъ подсчиталъ, и ужаснулся. Выходило, что не касаясь квартирнаго вопроса, огульное наращиванье цѣнъ на все потребное въ жизни составляло уже болѣе тысячи рублей въ годовой смѣтѣ. А при этомъ жена весьма резонно ставила на видъ, что Липочка, старшая дочь, кончила гимназію, и съ осени ее придется возить къ знакомымъ, и у себя собирать гостей; и что остальные дѣти тоже стали на годъ старше, и содержаніе и воспитаніе ихъ требуютъ лишнихъ расходовъ, — а вѣдь ты, — добавляла жена, — ты самъ знаешь, нынче все дороже стало.

И всѣ, — Липочка, остальные дѣти, прислуга, лавочники, разносчики, всѣ, на каждомъ шагу, на разные голоса, повторяли одинъ и тотъ же припѣвъ:

— Нынче все дороже стало.

Но, однако, что же дѣлать? Гдѣ взять эту недостающую тысячу? Какъ устроиться съ

квартирой?

Петръ Петровичъ разсудилъ, что какъ бы тамъ ни было, а безъ квартиры остаться никакимъ образомъ нельзя. Можно влѣзть въ долги, можно ходить дома въ старомъ халатѣ и протертыхъ туфляхъ, чтобы сберечь пиджачную пару и ботинки, можно дѣлать на завтракъ смоленскую кашу, а на обѣдъ лапшу, но квартира, приличная квартира во всякомъ случаѣ необходима.

И Петръ Петровичъ принялся искать квартиру. Онъ уже не пилъ отраву жизни глотками, онъ захлебывался въ ней.

Въ справочной конторѣ ему дали нѣсколько адресовъ. Оказалось, что всѣ эти квартиры уже сданы. Только въ одномъ мѣстѣ на окнахъ еще виднѣлись билеты. Петръ Петровичъ бросился въ подъѣздъ. Стоявшій передъ дверью швейцаръ смѣрилъ его такимъ взглядомъ, который ясно обнаружилъ всю прикосновенность достойнаго привратника къ калабановскому торжеству, и всю глубину разнудавшейся хамской наглости. На вопросъ Петра Петровича: сдается-ли квартира? — онъ только насмѣшливо сощури-

ль глаза и пропустиль сквозь усы:

– Чего-съ?

– Сдается у васъ квартира?

– Квартира?

– Не понимаешь меня, что-ли? Я хочу посмотреть квартиру.

– Да вамъ какую надобно?

– Покажи ту, которая сдается.

– Чего зря показывать? Я васъ толкомъ спрашиваю, какая вамъ требуется квартира? Можетъ у насъ и есть, да не про вашу честь.

Петръ Петровичъ оглянулся; по другой сторонѣ улицы какъ разъ въ эту минуту проходилъ полицейскій офицеръ.

– Видишь ты тамъ помощника пристава? – указаль на него Гладышевъ швейцару. – Не желаешь ли, чтобъ я попросиль его научить тебя, какъ разговаривать съ нанимателями?

Физиономія швейцара мгновенно преобразилась, точно по ней хлестнули бичемъ. Онъ быстро отвориль дверь и проговориль совершенно другимъ, до гадости слащавымъ голосомъ:

– Пожалуйста, сударь, сейчасъ покажемъ. Какъ-же не показать? Мы это очень обязаны.

Квартира оказалась дрянь-дрянью, какія-то косыя стѣны, покоробившіяся двери, темнота и грязь.

– Будеть ремонтъ, что-ли? – спросилъ Гладышевъ.

– Какъ-же-съ, ремонтъ безпремѣнно требуется, – отвѣтилъ швейцаръ. – Хозяинъ такъ и наказывалъ: безъ ремонту, говорить, не отдавай.

– То-есть, что это значить: безъ ремонту не отдавай? – не понялъ Гладышевъ.

– А значить, весь ремонтъ, какъ слѣдуетъ, отъ жильца полагается. Чтобы въ исправности было.

Петръ Петровичъ даже сплюнулъ съ досады, снова сѣлъ на извозчика и поѣхалъ, поглядывая на окна. Вотъ опять видны билетки; высоко, въ пятомъ этажѣ, но что же дѣлать.

Швейцаръ, съ насупленными бровями и бакенами вродѣ обломовскаго Захара, съ зловѣщимъ видомъ заступилъ Гладышеву дорогу.

– Вы изъ какихъ будете? – спросилъ онъ тономъ участковаго унтера, къ которому при-

вели новаго бродягу.

– Покажи-ка мнѣ квартиру, – сказалъ Гладышевъ.

– При казенной должности состоите, аль какъ? – продолжалъ швейцаръ.

– Ну, состою; тебѣ-то что?

– Мы жильцовъ пускаемъ только которые при казенной должности. А семейство большое?

– Я, жена, трое дѣтей.

– Въ законѣ, стало быть? У насъ на это большое вниманіе. Если по пачпорту что окажется, хозяинъ контракта не дастъ; онъ напередъ въ пачпорты смотритъ. А собаки есть?

– Есть.

– Неподходяще это. У насъ собачниковъ во всемъ домѣ нѣтъ. Кошку, это можно; кошка для крысь.

Петръ Петровичъ задумался. Ужь не пожертвовать-ли Карушкой и Мимишкой? Чортъ возьми, не остаться же изъ-за нихъ безъ квартиры.

– Ладно; посмотрѣть-то квартиру можно? – сказалъ онъ.

– А вы хозяину-то неизвѣстны? – спросилъ

швейцаръ. Потому, хозяинъ любитъ больше знакомымъ сдавать. А не то, можетъ рекомендацию имѣете?

— Нѣтъ, не имѣю. Можно у прежняго хозяина справиться.

— Не съ руки. Мы за жильцомъ не бѣгаемъ. Нынче жилецъ самъ во-какъ кланяется. Пороги отбиваетъ.

— Квартиру-то покажете?

— Показать можно; только ничего съ того не будетъ. Не отдастъ вамъ хозяинъ.

— Это почему-же?

— По разговору вашему видать. Хозяинъ любитъ, чтобы съ почтительностью. Онъ первымъ дѣломъ требуетъ, чтобы жилецъ искательство показалъ.

— А кто такой хозяинъ-то вашъ?

— Торжковскій 2-й гильдіи купецъ. Выгребными ямами занимается. Въ большихъ подрядахъ состоятъ.

Петръ Петровичъ со злости даже разсмѣялся, и рѣшилъ, что на сегодня довольно.

А завтра будетъ тоже, и послѣзавтра тоже, и т. д. Ежедневно будетъ вливаться въ него

отрава жизни, и непрерывно, днемъ и ночью,
будеть звенѣть въ его ушахъ все одинъ и
тотъ же припѣвъ:

– Нынче все дороже стало.